

Третьего пути не дано

«Дай мне взглянуть в тебя, Мадонна! Где я видел ее — в Париже, Риме или Венеции? Ты еще прекрасней, чем та, потому что ты живая!». Так или примерно так (слова не важны, важен их смысл и интонация, полные юношеского восторга) говорит американский военный летчик учительнице из скандинавского городка. Циничный, бывалый, оступивший от виски человек склоняет голову перед прекрасной женщиной...

Что же происходит в «Северной Мадонне» братьев Тур? Может быть, Глен Роджерс переродился? И да и нет. Во все времена встреча с красотой перерождала людей. Но в век атома это значительно сложнее...

Впрочем, посмотрите сами спектакль в постановке главного режиссера С. Шпанова.

В северной стране, где расположены американские военные базы, люди страдают бессонницей. День и ночь над головами мирных жителей с воем проносятся реактивные самолеты. Свой смертоносный груз летчики называют между собой «мадам А». В свободное от «работы» время американские летчики вступают в разного рода контакты с населением. Некоторые считают их славными парнями, но большинство ненавидит этих разносчиков смерти. Ненавидит их и Кристина Хелмер...

В пьесе несколько сюжетных узлов, каждый из которых, не успев завязаться, развязывается.

Сын Кристины заболевает белокрыем. Ради мальчика мать решает пожертвовать собой — выйти замуж за аптекаря, который обещает достать за это спасительное лекарство. Об этой жертве Кристина говорит: «Ради сына я приму и смерть, но это хуже смерти...» И вдруг сын спасен, а жертва не понадобилась.

В доме Кристины готовилась провокация против ее гостей — советской гражданки Смирновой. Провокация была вовремя предотвращена.

Кристина встретила свое счастье, но тут же потеряла его.

Что же в таком случае придает напряжению действию пьесы, если ясный крепкий сюжет как бы не интересует авторов?

Ткань пьесы пронизана острейшей проблемой нашего времени — проблемой жизни или смерти, мира или войны. Вот почему спектакль смотрится с неослабевающим интересом.

Заслуга режиссера С. Шпанова в том, что он правильно расставил исполнительские силы в спектакле,

обостряя конфликты между действующими лицами.

«Северной мадонне» нужна актриса, при одном взгляде на которую подумалось бы: вот Мадонна. А. Яковлева именно такая актриса — особая пластика, вдохновенное лицо, мягкость, женственность. Играет она просто. Когда думаешь о секрете обаяния образа, созданного Яковлевой, то на ум приходит лишь одно слово: «человечность», и это — самое главное.

Миром духовного убожества, философией неверия, проповедующей иллюзорность бытия, порожден Глен-Дэвид Роджерс. Артист В. Гурин наделяет Глена чертами силы и отчаянного безволия, скептицизма, цинизма и мальчишеской непосредственности. Его герой от первой встречи с Кристиной Хелмер, повергшей его в смутнение, стремительно идет к своему трагическому финалу.

Красота перерождает человека. Впервые Глен задумывается над тем, что достаточно лишь одного значительного грозового разряда в полете, и его самолет уничтожит жизнь и Мадонну. Ужас, гнев, страх, ненависть охватывают его, но он топчет все эти чувства в виски. Выхода Глен не видит: он зажат тисками собственного бессилия. Он раб своих хозяев, которые платят ему 750 долларов. «Не заставляй меня выбирать между нищетой и любовью, прими меня таким, какой я есть», — говорит Глен Кристине. Это конец Глена.

Так решены два центральных образа пьесы, решены убедительно. Конечно, кое-что еще должно пройти через фильтр строгого художественного отбора.

Артистка Яковлева должна добиться большей убедительности в изображении чувств матери, артисту В. Гурину необходимо избегать скороговорок в речи. Тогда судьба Кристины и Глена будет еще больше волновать зрителей.

Несомненная удача — работа артиста А. Сахарова над ролью русского эмигранта, скитающегося в чужой стране без паспорта и без пристанища.

Хорошо задумана роль Ирвинга Джеймса у артиста М. Иоффе. Этому разносчику атомной смерти, по совместительству занимающемуся шпионажем и доносами, оказывается, свойственны и страх и усталость.

Хотелось бы видеть в Ирвинге больше тех черт, за которые Марта назвала его «волшебником», такую американскую «широту» гиперболических размеров, которая всегда, в конце концов, является лишь тактикой бизнеса.

Заслуженный артист УССР Я. Аренский правильно понял, что его рантье, мечущийся по всему миру в поисках тишины, не должен возбуждать у зрителей ни малейшего сочувствия, потому что такие люди думают только о себе.

Правдиво звучит первая сцена появления аптекаря и владельца бара Руммеля, которого играет Л. Кушнарев. В ней артист раскрывает некоторые черты банального торговца. Однако хотелось бы видеть в нем мучительно усталого, пожилого человека, которому все труднее делать свой бизнес.

Реальный, запоминающийся образ советской женщины Марии Николаевны Смирновой создан артисткой А. Захаровой.

Но еще не весь актерский ансамбль ровно звучит в спектакле. Это касается пастора Хансена — артист И. Легтерев, Марты — артистка З. Шербакова.

Великом можно согласиться с изобразительной стороной спектакля. Оформление у художника Э. Годлевского решено условно, но это та условность, которая не становится самоцелью, а потому помогает актерам.

Финал спектакля был принят зрителями с большим удовлетворением. Последний луч прожектора осветил классический жест Мадонны и завершил эмоциональную гамму спектакля. Именно в финале ясно вычертилась главная мысль постановки: в мире, где стали друг против друга силы жизни и силы смерти, нет третьего пути.

В. БЕРЕЗОВСКАЯ.

На снимке: сцена из третьего действия спектакля. Артистка А. Яковлева в роли Кристины Хелмер (слева) и артистка А. Захарова в роли Марии Смирновой.

Фото Г. Толмачева.

СОВЕТСКАЯ
АБХАЗИЯ

4
стр.

Суббота, 18 августа 1962 г.

СОВЕТСКАЯ АБХАЗИЯ
г. Сухуми